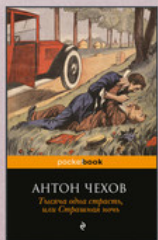

Антон Чехов

Певчие

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

Антон Павлович Чехов

Певчие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174068

*Тысяча одна страсть, или Страшная ночь / Антон Чехов: Э; Москва;
2016*

Аннотация

«С легкой руки мирового, получившего письмо из Питера, разнеслись слухи, что скоро в Ефремово прибудет барин, граф Владимир Иваныч. Когда он прибудет, – неизвестно...»

Антон Чехов

Певчие

С легкой руки мирового, получившего письмо из Питера, разнеслись слухи, что скоро в Ефремово прибудет барин, граф Владимир Иванович. Когда он прибудет, – неизвестно.

– Яко тать в ночи, – говорит отец Кузьма, маленький, седенький попик в лиловой ряске. – А ежели он приедет, то и прохода здесь не будет от дворянства и прочего высшего сословия. Все соседи съедутся. Уж ты тово... постарайся, Алексей Алексеич... Сердечно прошу...

– Мне-то что! – говорит Алексей Алексеич, хмурясь. – Я свое дело сделаю. Лишь бы только мой враг ектению в тон читал. А то ведь он назло...

– Ну, ну... я умолю дьякона... умолю...

Алексей Алексеич состоит псаломщиком при ефремовской Трехсвятительской церкви. В то же время он обучает школьных мальчиков церковному и светскому пению, за что получает от графской конторы шестьдесят рублей в год. Школьные же мальчишки за свое обучение обязаны петь в церкви. Алексей Алексеич – высокий, плотный мужчина с солидной походкой и бритым жирным лицом, похожим на коровье вымя. Своею статностью и двухэтажным подбородком он более похож на человека, занимающего не последнюю ступень в высшей светской иерархии, чем на дьячка. Стран-

но было глядеть, как он, статный и солидный, бухал владыке земные поклоны и как однажды, после одной слишком громкой распри с дьяконом Евлампием Авдиесовым, стоял два часа на коленях, по приказу отца благочинного. Величие более прилично его фигуре, чем унижение.

Ввиду слухов о приезде графа, он делает спевки каждый день утром и вечером. Спевки производятся в школе. Школьным занятиям они мало мешают. Во время пения учитель Сергей Макарыч задает ученикам чистописание и сам присоединяется к тенорам, как любитель.

Вот как производятся спевки. В классную комнату, хлопая дверью, входит сморкающийся Алексей Алексеич. Из-за ученических столов с шумом выползают дисканты и альты. Со двора, стуча ногами, как лошади, входят давно уже ожидающие тенора и басы. Все становятся на свои места. Алексей Алексеич вытягивается, делает знак, чтобы молчали, и издает камертоном звук.

– То-то-ти-то-том... До-ми-соль-до!

– Аааа-минь!

– Адажьо... адажьо... Еще раз...

После «аминь» следует «Господи помилуй» великой ектении. Всё это давно уже выучено, тысячу раз пето, пережевано и поется только так, для проформы. Поется лениво, бессознательно. Алексей Алексеич покойно машет рукой и подпевает то тенором, то басом. Всё тихо, ничего интересного... Но перед «Херувимской» весь хор вдруг начинает сморкать-

ся, кашлять и усиленно перелистывать ноты. Регент отворачивается от хора и с таинственным выражением лица начинает настраивать скрипку. Минуты две длятся приготовления.

– Становитесь. Смотрите в ноты получше... Басы, не напирайте... помягче...

Выбирается «Херувимская» Бортнянского, № 7. По данному знаку наступает тишина. Глаза устремляются в ноты, и дисканты раскрывают рты. Алексей Алексеич тихо опускает руку.

– Пиано... пиано... Ведь там «пиано» написано... Легче, легче!

– ... ви-ти-мы...

Когда нужно петь *piano*, на лице Алексея Алексеича разлита доброта, ласковость, словно он хорошую закуску во сне видит.

– Форте... форте! Напирайте!

И когда нужно петь *forte*, жирное лицо регента выражает сильный испуг и даже ужас.

«Херувимская» поется хорошо, так хорошо, что школьники оставляют свое чистописание и начинают следить за движениями Алексея Алексеича. Под окнами останавливается народ. Входит в класс сторож Василий, в фартуке, со столовым ножом в руке, и заслушивается. Как из земли вырастает отец Кузьма с озабоченным лицом... После «отложим попечение» Алексей Алексеич вытирает со лба пот и в волнении

подходит к отцу Кузьме.

– Недоумеваю, отец Кузьма! – говорит он, пожимая плечами. – Отчего это в русском народе понимания нет? Недоумеваю, накажи меня бог! Такой необразованный народ, что никак не разберешь, что у него там в горле: глотка или другая какая внутренность? Подавился ты, что ли? – обращается он к басу Геннадию Семичеву, брату кабатчика.

– А что?

– На что у тебя голос похож? Трещит, словно кастрюля. Опять, небось, вчера трахнул за галстук? Так и есть! Из рта, как из кабака... Эээх! Мужик, братец, ты! Невежа ты! Какой же ты певчий, ежели ты с мужиками в кабаке компанию водишь? Эх, ты осел, братец!

– Грех, брат, грех... – бормочет отец Кузьма. – Бог всё видит... насквозь...

– Оттого ты и пения нисколько не понимаешь, что у тебя в мыслях водка, а не божественное, дурак ты этакой.

– Не раздражайся, не раздражайся... – говорит отец Кузьма. – Не сердись... Я его умолю.

Отец Кузьма подходит к Геннадию Семичеву и начинает его умолять:

– Зачем же ты? Ты, тово, пойми у себя в уме. Человек, который поет, должен себя воздерживать, потому что глотка у него тово... нежная.

Геннадий чешет себе шею и косится на окно, точно не к нему речь.

После «Херувимской» поют «Верую», потом «Достоинно и праведно», поют чувствительно, гладенько – и так до «Отче наш».

– А по-моему, отец Кузьма, – говорит регент, – простое «Отче наш» лучше нотного. Его бы и спеть при графе.

– Нет, нет... Пой нотное. Потому граф в столицах, к обедне ходючи, кроме нотного ничего... Небось, там в капеллах... Там, брат, еще и не такие ноты!..

После «Отче наш» опять кашель, сморканье и перелистыванье нот. Предстоит исполнить самое трудное: концерт. Алексей Алексеич изучает две вещи: «Кто бог велий» и «Всемирную славу». Что лучше выучат, то и будут петь при графе. Во время концерта регент входит в азарт. Выражение доброты то и дело сменяется испугом. Он машет руками, шевелит пальцами, дергает плечами...

– Форте! – бормочет он. – Анданте! Разжимайте... разжимайте! Пой, идол! Тенора, не доносите! То-то-ти-то-том... Соль... си... соль, дурья твоя голова! Велий! Басы, ве... ве... лий...

Его смычок гуляет по головам и плечам фальшивящих дискантов и альтов. Левая рука то и дело хватает за уши маленьких певцов. Раз даже, увлекшись, он согнутым большим пальцем бьет под подбородок баса Геннадия. Но певчие не плачут и не сердятся на побои: они сознают всю важность исполняемой задачи.

После концерта проходит минута в молчании. Алексей

Алексеич, вспотевший, красный, изнеможенный, садится на подоконник и окидывает присутствующих мутным, отяжелевшим, но победным взглядом. В толпе слушателей он, к великому своему неудовольствию, усматривает диакона Авдиесова. Диакон, высокий, плотный мужчина, с красным рябым лицом и с соломой в волосах, стоит, облокотившись о печь, и презрительно ухмыляется.

– Ладно, пой! Выводи ноты! – бормочет он густым басом. – Очень нужно грахву твое пение! Ему хоть по нотам пой, хоть без нот... Потому – атеист...

Отец Кузьма испуганно озирается и шевелит пальцами.

– Ну, ну... – шепчет он. – Молчи, диакон. Молю...

После концерта поют «Да исполнятся уста наша», и спевка кончается. Певчие расходятся, чтобы сойтись вечером для новой спевки. И так каждый день.

Проходит месяц, другой...

Уже и управляющий получил уведомление о скором приезде графа. Но вот наконец с господских окон снимаются запыленные жалюзи и Ефремово слышит звуки разбитого, расстроенного рояля. Отец Кузьма чахнет и сам не знает, отчего он чахнет: от восторга ли, от испуга ли... Диакон ходит и ухмыляется.

В ближайший субботний вечер отец Кузьма входит в квартиру регента. Лицо его бледно, плечи осунулись, блеск лиловой рясы померк.

– Был сейчас у его сиятельства, – говорит он, заикаясь,

регенту. – Образованный господин, с деликатными понятиями... Но, тово... обидно, брат... В каком часу, говорю, ваше сиятельство, прикажете завтра к литургии ударить? А они мне: «Когда знаете... Только нельзя ли как-нибудь поскорее, покороче... без певчих». Без певчих! Тovo, понимаешь... без певчих...

Алексей Алексеич багровеет. Легче ему еще раз простоять два часа на коленях, чем такие слова слышать! Всю ночь не спит он. Не так обидно ему, что пропали его труды, как то, что Авдиесов не даст ему теперь прохода своими насмешками. Авдиесов рад его горю. На другой день всю обедню он презрительно косится на клирос, где один, как перст, бацит Алексей Алексеич. Проходя с кадиллом мимо клироса, он бормочет:

– Выводи ноты, выводи! Старайся! Грахв красненькую на хор даст!

После обедни регент, уничтоженный и больной от обиды, идет домой. У ворот догоняет его красный Авдиесов.

– Постой, Алеша, – говорит диакон. – Постой, дура, не сердись! Не ты один, и я, брат, в накладе! Подходит сейчас после обедни к грахву отец Кузьма и спрашивает: «А какого вы понятия о голосе диакона, ваше сиятельство? Не правда ли, совершеннейшая октава?» А грахв-то, знаешь, что выразил? Конплимент! «Кричать, говорит, всякий может. Не так, говорит, важен в человеке голос, как ум». Питерский дока! Атеист и есть атеист! Пойдем, брат сирота, с обиды тарарах-

нем точию по единой!

И враги, взявшись под руки, идут в ворота...